

Общая гз.

11-18 де

ВЕРНИСАЖ

- 1996.

- с. 11

Художник дождался своего часа

Пахота на бабах. 1991 г.

В Москве, в галерее «Дар» открывается выставка самодельного художника Николая Макарова. Экспозиция приехала в столицу из Санкт-Петербурга.

Открытие этого художника, которое принадлежит петербургскому писателю и коллекционеру Семену Борисовичу Ласкину, — событие первостепенной значимости. Выставка, устроенная в петербургской галерее «Старая деревня» ее владельцем — тоже коллекционером и знатоком Евгением Друбецким, изданный галереей каталог — свидетельства настоящего подвижничества и благородства людей, имеющих мужество утверждать никому еще не известное. Издание, кстати сказать, отменное: в него включены документальная повесть Семена Ласкина «Дон Хихот Великого Двора», написанная строго, деликатно и с точным вкусом, непосредственно каталог и превосходные репродукции.

Но эта — уже и сейчас относительная — «малоизвестность», вне всякого сомнения, продлится недолго. Картины Макарова — работы музейного уровня, и стены галереи, на которых они появились, навсегда сохраняют свет искусства, откровенно зрителям. Эти работы вполне сопоставимы с произведениями Таможенника Руссо, Пиросмани, Ивана Генералича или американской «Бабушки Мозес». Тем более, этот художник пишет Россию, и его сюжеты, герои, поэтика — наши, в них нет экзотики и «пылинок дальних стран». Его судьба деревенского жителя, крестьянина, его воспоминания (отчасти опубликованные в повести Ласкина), его ежедневный подвиг — ведь он едва владел рукой после ранения, а писал — могли бы стать темой отдельной публикации.

Примитив — если он настоящий, а не лукавая стилизация — завораживает настойчивой и, если можно так выразиться, обреченной искренностью. Художник говорит прямо, он не умеет иначе. Подобно возвышенным и простодушным героям Свифта, он не знает слова «ложь» и удивляется, если говорят «то, чего не было». Это, впрочем, не мешало Николаю Макарову творить собственные мифы. Но для художника, столь ясного и простого, миф от реальности решительно не отличался.

Для Макарова мир — данность. И чудовищная по своей советской безжалостности сцена «Пахота на бабах» написана художником с тем ласковым смирением, за которым нет оценки. Макаров смотрит на мир словно бы впервые, но — глазами человека, который знает: ничего нельзя повторить, ничто не вернется, поэтому все драгоценно и не подлежит ни порицанию, ни глумлению. Даже наивнейшие сцены из жизни Ленина напоминают лукавую сказку — почему не превратить в красивую картинку то, во что давно верило так много людей, а с ними вместе и сам художник.

Все, что он пишет, обладает еще одним вполне загадочным свойством. В его картинах решительно все мнится знакомым, словно художник обращается к сокровенным глубинам нашей «прапамяти». Видимо, все мы созданы из единого вещества, и молекулы наших воспоминаний под магической силой «обыкновенного чуда» этих картин складываются в ощущения встречи с забытым, но знакомым до пронзительной боли и горькой радости миром.

Михаил GERMAN
Санкт-Петербург